

Мих. Луконин

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Мих. Луконин

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

ПОЭМА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

*Постановлением
Совета Министров СССР
ЛУКОНИНУ
МИХАИЛУ КУЗЬМИЧУ
за поэму
«Рабочий день»
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
второй степени
за 1948 год*

*Обложка и рисунки
художника
Е. ГОЛЯХОВСКОГО*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Сталинградский тракторный,
 юность моя!
По зеленой улице, —
 к проходным воротам,
Вокруг завода!
За поворотом —
Волга,
 оранжевая по краям.
Детство мое,
 по твоим палисадам,
По дворам, гудящим с утра,
Оно следит
 зачарованным взглядом
За лентой,
 собирающей трактора.
Шумом,
 прозрачностью потолочной
Я издавна
 все сильнее
 влеком,
Сказочной рекою молочной
Эмульсии
 над токарным станком.
По дорогам,
 самым дальним
 и ближним,
Ты звал меня
 с любой стороны,

Своими поселками
Верхним и Нижним,
По лыжням
и дорогам войны.
Я твоим торжеством пронизан,
Я твоими делами горю.
С моим поколением
до пути в коммунизм
Языком
твоим
говорю.
Встаю,
заботам твоим подвластен,
По графику время свое кроя,
Иду и иду
на участие в счастье,
Сталинградский тракторный,
юность моя!

Антонина Петровна, что ты!
Память успокой,
слезы вытри.

— Няня, сказку...

— Слушайте,
 помните,
Только чтобы тихонько в комнате!
Расскажу я вам сказку
 о Димке.

О мечте его —
непобедимке.

Всё узнает
про это, Валенька,
Тот, кто слушает,
а не ленится.

Что за сказка? Большая? Маленькая?
Где начнется она? Куда денется?

Вы уснули?

К веселой славе
Все за Димой вослед поплыло.
Сказка жить остается с вами.

К няне
сходится то, что было.

Ночь нахлынула воспоминаньем,
И мешаются

сказка с былью,
Годы — с годами,
пламя — с пламенем.

Кровь родная —
с горячей пылью...

Вот оно —

двадцать третье августа
Сорок второго года.

В огне и дыме,
безрадостна,

Степь вокруг завода.
Вот они, немцы, по взгорью

За Мечёткой

лавиной танковой.

Нахлынуло черное горе

За Рынком

и Спартановкой.

Гул в сердцах накаленных,

Брови сдвинуты строго.

Цеха сошлись в батальоны.

Тревога! Тревога!

От бомб заслоняться нечем.

Дети кричат:

— Не надо!

Пока не хлынуло смерчем

В кровати

детского сада.

В этот день

не пришел с работы

Слесарь,

не появился Димитрий...

Антонина Петровна, что ты!

Сказку выдумай,

слезы вытри...

Пламя бьет над литейным цехом,

Из окна на завод взглянула.

Ночь катается чутким эхом,

Звоном сборки,

кузнечным гулом.

— Няня, сказку...

— Слушайте, помните,

Только чтобы тихонько в комнате!

Сказку надо любить,

спасибо ей,

Сказки все на это надеются,

Потому что

все сказки красивые

Скоро сказываются,

долго делаются.

ПЕРВАЯ СМЕНА

Бадин проснулся
 просто и тихо,
 Смял подушку одним гребком.
 Сна причудливая
 неразбериха
 Отпустила его легко.
 Он вслушался
 в тоненькое кипенье,
 В теплый, приглушенный плеск,
 когда
 В трубах центрального отопления,
 Разбуженная,
 заплескалась
 вода.
 Пора!
 Открыл он глаза.
 На стеклах
 Синий переливался рассвет.
 Сел на кровати,
 вздыхнул глубоко,
 Оглянулся —
 Петровны нет.
 Поднялся в потоке лучей отвесных,
 На кухню дверь распахнул рывком.
 — Ты чего ж это,
 старый неслух,

Опять

похаживаешь

босиком? —

Руки вскинул:

— Ну вот, попало,

Засаду устроила мне опять!.. —

В ладонях плечи согрел:

— Устала?

— Устала.

— Сказки, небось, шептала?

— Сказки...

— Ты бы ложилась, мать. —

Косичку седую шпилькой скрутила,

Улыбкой ответила

и пошла...

Откуда в ней,

в маленькой,

эта сила?

Сели, сдвинулись у стола.

Нарезала хлеб на газете «Трактор».

— Разбудим Валю?

— Пускай поспит. —

С фотокарточки

вдаль куда-то

Сын Дмитрий глядит, глядит.

В первом костюме своем,

наряден,

Впервые

пригладивший жесткий чуб,

Серьезный парень

Дмитрий Бадин

С невольной улыбкою детских губ.

Губы вдруг повело от боли,

Сын стал раскачиваться,

уплывать.

— Мать,

ну, хватит,

вызовешь, что ли?

Пять лет не приходит,

забудь уж, мать.

Пора уж мать... —

Самого склонило.

— Ты что задумался?
Ешь, отец! —
Сын улыбнулся светло и мило,
Живой еще —
в поступи двух сердец.

— Мама!
— Валя, вставать бы надо.
— Мама, ты мне снилась всю ночь.
Сегодня я подружусь с бригадой,
Как меня встретят?
— Не бойся, дочь.
К людям приглядывайся на заводе,
К делу станешь —
и все пойдет:

Увидишь
Малышева Володю,
Скажи — скрывается целый год.
Поможет,
он слесарь в почетном виде.
Отец, ты ходил бы: ведь там кума! —
На дочь взглянула:
беда! В обиде!

— Ну ладно,
я знаю,
ты все сама!..

Нам сегодня, отец, веселье,
Чуть не забыла:
третьего дня

Слезно звали на новоселье,
Сергеич
был в садике у меня.

— Сергеич?
Не виделись больше года,
Помнишь, когда уезжал Илья,
За счастьем погнался, сбежал с завода...
Письма писал им?

— Не знаю я.

— Когда итти нам?
— Просили в восемь.
— Вот Илью бы теперь сюда!

Не выдержал...

— Ты поднимаешься, Валя? Где-то теперь их носит!

— Отец, — Да...

поведи ее для начала.

— Я в школу зайду. — Опоздаешь...

— Рано, Валенька, заскучала.

— Не смейтесь, — Нет!

возьму проходной билет. —
Вдруг будильник ударил звоном.

Мать, подбежав, заглушила звон.

А за окном

поднялся с разгона
Высокий гул с четырех сторон.

Взлетал и взлетал

над землею ранней,
Над крышами,

над переплетом дорог,
Над сердцем,

дрогнувшим в ожиданье,
Всегда волнующий,

как свиданье,
Сталинградского тракторного гудок.

ИЛ Ъ Я

Махнул с Мечётки ветер
Уверенно

и резво,
И Бадин враз заметил
Весну

во тьме подъезда.
Вот за угол

с порога —
И прямиком к заводу.
Знакомая дорога,
Минут пятнадцать ходу...
Подумал он:

«Теперь рассвет
Встречать с Валюшей вместе.
В завод идет!

Шестнадцать лет
Исполнилось невесте».
И вспомнил:

гарь на берегу
И кровь на шейке маленькой,
Как подобрали на бегу,
Назвали дочкой
Валенькой.

Как вздрагивала и брела
В бреду,

в эвакуации,

Как холодела добела
От станции до станции.
Потом в Свердловске
 валенки
Купили дочке Валеньке.
Тут,
 в сорок третьем,
 в третий класс —
По тропкам,
 сквозь развалины,
После болезни,
 в первый раз
Шагнули ножки Валины.
Никто не знал,
 что в час крутой
Была у смерти найденной,
Не Золушкой,
 не сиротой,
Зовется
 дочкой!
 Бадиной!
«Смотри-ка, послезавтра май!
Теплынь,
 хоть ватники снимай...
Сергеич,
 не перечу,
Отпразднуем сегодня».
И вдруг
 припомнил встречу.
Зимою прошлогодней,
В сорок шестом...
 Припомнил вмиг:
Летающий снег колючий
То с лёту лез за воротник,
То рвался целой тучей.
А под ногой —
 то хруп, то хрясь,
То лед, то грязь.
Погодка выужит снова —
Зима сорок шестого.
Но говорят —
 зима к добру,

Как будто к урожаю.
«Тогда
 слова назад беру,
Погоду
 уважаю!»
Веяло холодом
И ветром встречным.
«Скорей бы у молота
Согреться в кузнечном».

— Карп Федорыч!
 Здорово, друг! —
Услышал он сквозь вьюгу.
— Сергеич?
 Ты откуда вдруг? —
Рука согрела руку.
— Ну и метет...
 — Ты где теперь?
— На Нижнем новый дом кладу,
Пойдем,
 да ты шаги умерь,
Уж я привык на холоду... —
Вздыхнул Сергеич:
 — Вот дела!
Теперь одни с тобой друзья.
А где наш дом?
 Война смела.
А из квартиры — ты да я...
— Ну как,
 а штукатур Илья?!
— Илья? А ты не знал?
 Илья
Подался в теплые края.
— Ну что же,
 если на курорт,
Ведь он работник — первый сорт!
— Работник силы золотой,
Да что в ней толку,
 в силе той?
— А что?
— Расчет забрал совсем:

Карп Федорыч — из темноты,
Как будто бы с участием:
— А зря, Сергеич,

с ними ты

Не двинулся за счастьем... —
Сергеич встал:

— Шутить шути,

Да надо бы с разбором...

Пока!

Мне далеко итти.

Гудок, наверно, скоро...

ТЕТРАДЬ МЕЧТАНИЙ

— Антонина Петровна, есть дело!

— То-то, дело,

а так — нет входу!

Был Димитрий —

кругом гремело,

Не разгонишь,

бывало,

сроду!

— Вы садитесь, —

сказала Валя

И, смеясь, подошла к Володе. —

Мне сейчас вот наказ давали

Поругать вас,

найти в заводе.

— Ты же в школе, я знал...

— Вы знали

Год назад,

ну, а год-то длинен!..

— Вы уж там помогите Вале,

Как и что,

как товарищ Димин...

— Мама! —

Валя взглянула строго. —

Ведь меня научила школа,

Надо будет —

спрошу дорогу.

— У кого же?
— У комсомола?
— Ладно,
ты не сердись, Валюша.
Ну, Володя,
какое дело?
— Дело?
Валя, и ты послушай.
(«Вы», —
поправился он несмело.)
Помните,
в сорок втором
до света
С Димой мы заседали?
— Как же!
— Вы еще нас ругали за это.
— Ну, уж так и ругала, скажет!..
— Нет, но все же.
А вот тетрадки
Были,
помните?
— Помню, были.
— Как они? —
Он вздохнул украдкой. —
Что-нибудь уцелело
или...
— Ящик был для бумаг и книжек.
Нет не вынесли...
немец выжег.
Ну, а что,
может, вспомню.
Я-то
Все читала, но вы не знали.
— Да?
— Учту я ошибку брата,
Спрячу все, —
засмеялась Валя.
— Есть деталька
с тремя пазами,
Гайка просто, а много чести.
Вот сейчас, —
посмотрите сами —

Сами видите,
в комсомоле.

— Значит, вышло?

— Сегодня проба.

Я хотел посмотреть записки,
Мы ведь с Димой сегодня оба...

В окна брызнуло солнцем близким.

Утро разными голосами зазвенело.

— Пойду —

и сразу

Вова к двери шагнул,

и замер

Перед светом зеленоглазым.

НАЧАЛО ДНЯ

Он входит
 в зал кузнечного.
К его плечу —
Поток движенья встречного
Луча
 к лучу.
Все смолкло перед сменой
За полчаса.
Клубятся
 пылью пенною
Рассветные чудеса.
У молотов не полон взмах:
Не вышел срок!
У теплосиловой
 в котлах
Заваривается гудок.

Рассвет
 в работе укачало.
Он ватник сбросил.
В руках его
 кипит начало
Любых
 ремёсел.
Встает
 и машет кистью белой,

мгновенны,
И под его рукой умелой
Белеют стены.
Нет мастерства

его вернее,
Такое нам бы!
Перед его трудом бледнеют
Электrolампы.
Остаток ночи вороненой
Смывает с окон;
Оглядывает цех

Хозяйским оком.
Под крышу влез
без опасений,
В одежде маркой,
И лозунг:

«Встретим
сез
весенний!»

Вписал над аркой.

Цех зажил.
Воздух жаром взбит...
Подвижен, ладен,
Как в юности своей,
 СТОИТ.

Смеется Бадин.
Он цех еще окинул взором.
В печь заглянул,
И грянул
 электромотором
Высокий гул.
Он вставил стержень раскаленный,
Нажал педаль,
И молот
 стукнулся

В тугую сталь.
Гудит стремительный огонь
В печах нагрева.

Работница,
 подняв ладонь,
Глядит налево.
Слепит оконце выкидное,
Горит оконце,
Здесь первозданной новизною
Пылает солнце.
Его в печи огнем скрутило,
Заваркой долгой,
Чтоб через полчаса
 светило
Над самой Волгой.

У нагревальщицы
 лицо
Огнем трепещет.
Она следит за кузнецом,
Разводит клещи.
— Давай! —
 И вот,
 совсем спела,
Почти сквозная,
Болванка сразу поплыла,
Еще пылая.
К подручному плывет. Гринько
С зубчатой ленты
Берет каленое древко
Одним моментом.
Он страстно, весело живет,
В работе жаден.
Оттяжка сделана,
 и вот —
'Держи-ка, Бадин!..
А молот ходит вверх и вниз
Нетерпеливо,
Он любит веер быстрых брызг,
Стальное диво.
Болванка — вот она, живьем
Пылает смаху.
'А Бадин в клещи взял ее,
Толкнул на плаху.

Тяжелый молот
взмыл
вверх.

И вдруг —
обвал,
Его горячий пар
поверг
На белый вал.
Болванка сплющена слегка,
Она покорна,
Ей надавила на бока
Стальная форма.
Удар — и пламя!
Ставь вперед

Защиту — локоть.
И эхо
гулкое
идет

Под крышей окать.
Но выдержит земная гладь,
Она недаром
Училась
противостоять
Любым ударам.

А молот
силой не иссяк,
Кузнец вдобавок
Кладет болванку так и смяк
И с боку на бок.
Болванку?

Нет!

Шатун в руках,
Он ярко ал.
Взмыл молот вновь
на новый взмах.

Опять
обвал.
Сталь многотонным кулаком
Отжал,
обмял.
Взлетает вверх одним рывком.

Обвал!

Обвал!

Карп Федорыч,

шатун

долгой!

Ложись-ка в тень!

Так начал путь свой трудовой

Рабочий день,

Так был рожден

стальной шатун

Из-под огня,

Из

двадцати восьми секунд

Начала дня.

СМЕНА СМЕНЕ ИДЕТ

Бежит
по открытой лестнице
В шуме,
в веселом звоне
Весне молодой ровесница —
Девочка в комбинезоне.
Косички схвачены бантом,
Идет меж домов поселка.
Она,
как струна натянута,
Легонькая,
как пчелка.
К сини комбинезонной
Над кармашком
приколот
Знак
армии миллионной
Ленинского комсомола.
Ей на три ступени хочется
Прыгнуть,
смеяться громко.
Ну, что вы! Она работница!
Девушка, а не девчонка!

Апрель.
На улице оттепель,

Зима
в весну
переделывается.
И воробьям
легко теперь —
Летят на каждое деревце.

Она переходит улицу.
Есть у нее желание
Еще посмотреть
лицом к лицу
Краснокирпичное здание.
Оно разрушено,
скомкано,
Военной страдой обглодано,
Но сколько юного,
громкого
Зданию этому отдано!
Сколько с ним в жизни
связано
Трудом и огнем воспетого!
Всей жизнью
она обязана
Славе здания этого.
Стоит она,
снова и снова
Читает
Слова позолоченные:
«Здесь
в августе сорок второго
Вооружались рабочие».
Читай и смотри:
из здания
Выходят твои ровесники,
Сдавшие испытание,
Торжественные
ремесленники.
Идете вы, смена
старшего
Великого поколения,
Рабочего класса нашего

Следующее

пополнение.

Не видите вы, —

за вами

С улыбкой следят,

не строго,

И провожают словами:

«Счастливая вам дорога!»

Учитель стоит в волнении.

В окно он глядит,

выискивая,

Идете вы

по направлению

Летящей руки

Дзержинского.

Вот вы у завода замерли,

Остановились снова,

Даты побед

на мраморе

Читаете

слово в слово.

Стена у завода светится

Славой гвардейским ротам,

В ней вписан

победной лестницей

Твой путь

к проходным воротам.

Учитель следит за тобою,

Мастер

тридцатилетний.

Ты стала его судьбою,

Явью,

мечтой

заветной.

Он на комсомольском собрании

Был прерван

снарядным свистом,

Он в бой из этого здания

Выступил коммунистом.

Вы часть его сердца

братского,

Вы юность его народа,

Смотрит,
 как мать любимая,
За комсомольской юностью.
Так смена смене идет
 в строю,
Куда показал Ильич рукой,
С великою эстафетою —
К жизни
 коммунистической.

КЛЮЧ ЖИЗНИ

Завод мой,

как мне тебя не помнить!

Тяжелые, в стальной синеве,

Маслом пахнувшие ладони

Меня погладили по голове.

Завод мой,

твои рабочие руки

Поднимали меня, несли.

Ты открывал мне свои науки,

Летопись сталинградской земли.

Меня, безотцовщину боевую,

Сироту гражданской войны,

Встретили,

выстроились вкруговую

И допросили

твои сыны.

— Можешь? — спросили.

— Могу! — ответил

И плыл за Волгу в тесном кругу.

— Хлеб любишь?

— Больше всего на свете!

— А без хлеба можешь?

— Могу!

— Можешь? —

И я обдирал коленки.

— А спрыгнешь с первого этажа? —

Я сжал кулаки,

прислонился к стенке.

— Ну, попробуй! —

сказал дрожа.

Они заглянули в глаза мне твердо,
Потрогали ребра

и кулаки.

— Будешь с нами! —

сказали гордо.

И мы пустились

наперегонки.

Ветер мечется пыльный.

Волга

К маслянистой воде звала.

Над домами всего поселка

Небо, нагретое добела.

Мимо Дзержинского,

наглядеться

На то,

как беспредельна земля,

Бежало босоное детство,

Пятками бронзовыми пыля.

По оврагам и подвалам — в разведке,

К Мечётке, подпрыгивая на ходу,

Детство

первенца пятилетки

Выбегало

в тридцатом году.

К первому льду,

зазвенев коньками,

К первым арбузам

летало вскачь.

Ворота отмерив пятью шагами,

С утра гоняло

футбольный мяч.

За первый трактор

оно в тревоге.

На митинге,

дожидаясь конца,

На крыле его, свесив ноги,

Сидело, как на плече отца.

Комендатура

не знала про это.

Ты отступить не желаешь,
детство,
Что же делать с тобою нам?
И ты мне само подсказало средство, —
Брови сдвинув,
стало к тискам,
— Делай! —
напильник запел несмело.
— Делай! —
металл угловат,
колюч.
Рождается в муках
великое дело,
Первое
твое испытание —
ключ!

Ты слышишь:
— Парень в делах не робкий! —
Ты видишь —
ключ твой,
на завитке,
Шлифованным стеблем,
резной бородкой
Сияет у мастера на руке.
Юности
ключ этот
мы подарим.
Бери его.
Сделай его судьбой.
Ты слышишь —
тебя величают:
«Парень».

Детство,
что мне делать с тобой?
Прощай, мое детство!
Ступая неловко,
Шагом
ухожу навсегда.
Пахнет новенькая спецовка
Ветром свободы,
огнем труда.

Ты долго, долго бежишь за мною,
И выдаешь ты меня
прыжком,
Желаньем
по лужам ходить весною,
Зимою
вдруг запустить снежком.
В цехах я шествую —
взрослый парень!
А ты не слушаешься меня,
Бежишь
проехаться на электрокаре,
Гайками спрятанными звеня.
Я к проходным
подхожу
степенно,
Свой пропуск открываю,
а ты
На фотокарточке
чубом пенным
Контролершам улыбишь рты.
Ты так непоседливо,
так глазасто,
Тебя похлопывают по плечу,
Тебе улыбаются метров за сто,
А я о деле сказать хочу.
Юность моя подошла к девчонке.
Ты планы отвергаешь мои:
Мне б —
прикоснуться к ее ручонке,
Ты —
в косу ей
впутываешь репьи.
Я в комсомол подаю, —
так что же
Ты на собраньи робеешь вдруг?
Комсорг я,
хочу показаться строже, —
А ты
вырываешься с пляской
в круг.

Я брови сведу, —
ты зальешься в смехе,
Сесть приглашают, —
ты любишь стоять.
Меня вожаком называют в цехе.
А ты —
в заводилы метишь опять.
Детство!
Я за тебя краснею,
Мне неудобно с тобой итти.
Юность,
мне по дороге с нею!
Ты отстаешь от меня?
Прости!

Где ты?
Нет от тебя ответа.
Прощай!
Все меньше твоих примет.
В первую смену встают с рассветом
В году далеком
в пятнадцать лет.
Прощай, мое детство!
Прощай, мое детство!
Ключ твой —
в надежных руках теперь,
Юность берет его как наследство,
Он открывает любую дверь.
Не зря мастера заводских слесарен
Тебя испытывали ключом.
За ключ моей жизни
я благодарен,
Любой секрет ему нипочем.
Ключом
открывается день работы,
Шумная,
праздничная страда.
Ключ твой открыл для меня ворота,
Волшебный мир
моего труда.

начальник цеха.

Стружкой в нем звенит
Перекинутая

прямо к ней.

Волнений высоких нить.

Володя услышал:

— Часы идут! —

Начальник смеется:

— Мало!

Сорок секунд,

сорок секунд! —

Этого не бывало.

Что ж,

поздравляю вас,

если так.

Может гордиться школа! —

И все увидали

у Вали

знак

Ленинского комсомола.

(— Не дочь ли Бадина, кузнеца?)

— Он черный!

— Характером вся в отца!

— А вот,

оказывается,

быстрее

С гайкой справиться можно. —

Володя

вдруг

подумал о ней

И задышал тревожно.

Лиц знакомых неровный ряд

Лентой качнулся зыбкой.

«Можно!» —

ответил зеленый взгляд

И осветил улыбкой.

Он к станку подошел

и снял

Столик вместе с тисками,

Новый столик в руках засиял

Причудливыми боками.

Он поднял с тумбочки

на станок

Его блестящее тело.

— Можно! — сказал

и, поймав кивок,

Гайку вставил умело.

Фреза прорезала

первый паз,

Он отвел рычаг,

Гайка

сама

повернулась враз

От стального плеча.

Такой восторг

на лицах был,

Так тихо вокруг,

Казалось, слышно было,

как плыл

Сердец восхищенных стук...

Он рядом

косичку ее узнал.

Наверно, в этот момент

Их

в «Сталинградскую правду»

снял

Фотокорреспондент.

Не получилось зеленых глаз

На снимке,

но все поймут...

— Сколько у вас?

— Пятнадцать!

— У вас?

— Пятнадцать секунд!

ЧАС ОТДЫХА

Прохладней в цехе стало,
И звон какой-то новый,
В тот час

забот немало
У цеховой столовой.
Держи меню по курсу,
Учти начало лета.
Кому сазан по вкусу,
Кому идет котлета.
И вот — моя диета:
Давай и то,
и это!

Жекатые — так эти
Уходят в раздевалку,
В шкафу возьмут пакетик,
Сидят, едят вразвалку,
С веселыми глазами.
Газетку сложат снова.
Смотреть —
одно терзанье
Для парня холостого.
Час отдыха!

Он вышел
На солнышке погреться.
Весною стали выше

Зеленые деревца.
Карп Федорыч подвинул
Разбитую опоку,
Присел, расправил спину.
Гринько, подручный, сбоку.
— Ну, как?

— Да не остудим,
Идем походкой верной.
— Шатун тысячепервый
Мы нормой делать будем.
— А клапана как?

— Снова
На тысяча семьсотом.
— Сдержали, значит, слово?
— Штампуют ровным счетом.
Гринько развел руками:
— Вот странно!

До сих пор мы
И до войны мы сами
Не знали этой нормы...
— Что странно?

— Странно как-то.
Тогда совсем иное.
И жизнь была богата
Тогда,
перед войною.
Да и завод...

— Войну-то
Ты видишь только в пепле.
Мы с каждой минутой
В войне

учились, крепили!
Я даже полагаю,
Что кой-кому немило,
Что мы прошли, страдая,
Через войны горнило.
Они войной хотели
Нас обессилить.

Стой-ка,
Смотри, —
мы снова в деле,
У нас сплошная стройка.

Завод нам повалили, —
А мы подняли выше.
Поселок разбомбили, —
Смотри:
сплошные крыши...

— Ты не сердись,
я просто...

Моя мечта другая,
Карп Федорыч...

— Да брось ты!
Совсем не про тебя я.
Мы все схватились с ходу,
И дело не застыло.
А есть дурная мода —
Равняться

с тем,
что было.

О завтра думать надо,
Взгляни на карту мира...
«Сергенч!..

Вот уж рады,
Теперь у них квартира!
Должно, своя работа!» —
Подумал Бадин.

Еле
Сквозь думы
слышит что-то

О денежном обмене,
Об урожае — втрое,
Потом о сыне Тольке:
— Продкарточки устроил
На новогодней елке.

Сын!
Бадин постепенно
Ушел в себя: не слышит.
Как будто бы сквозь стену
Гринько
словами дышит.

Приходят издалёка

Слова,

сквозь думы,

глухо...

Гринько схватил за локоть

И жарко

прямо в ухо:

— А главное,

я вижу, —

Он руку сжал до хруста: —

К нам коммунизм

все ближе!

Во мне такое чувство.

ТРАКТОР СХОДИТ С КОНВЕЙЕРА

Кузнечный ухает,
пыля
Пыльцой
металла.
Недвижен воздух,
и земля
Уже устала.
Карп Федорыч
за разом раз
Бьет торопливо.
Окалина летит,
кружась,
Легка на диво.
Лицо пылает,
воздух сиз,
Ал металл,
Молот — вверх,
молот — вниз,
Обвал!
Обвал!
Час восьмой,
на исходе день, —
Слышно по взмаху рук.
А шатуны
падают в тень —
Тысяча штук.

Молот
 новый
 взмах
 взял,
 Застыл, пока
 Успели
 спрыгнуть на металл
 Две капельки
 с виска,
 Успел шатун повернуться
 вновь,
 Все осветилось вокруг,
 И новая сила хлынула в кровь,
 В гудящую
 волю рук.
 Еще один,
 еще один, —
 Молот ковал.
 Мокрую прядь
 со лба откинь.
 Обвал! Обвал!
 Еще шатун из-под огня
 Остывает у ног.

 Услышал:
 взмыл,
 под крышей звеня,
 Высокий гудок.

 Ветерок
 дунул за ворот.
 Как хорошо
 дышать
 ветерком!
 Молнией
 предвечерней
 распорот,
 Ветер проносится
 кувырком.

 — Дядя Карп!
 Вас не узнаешь.

Сколько не виделись —
год,
два? —

Ручонка
розовая,
сквозная,
Легкие окающие слова.
— Ты еще здесь? Вот как, возьми-ка! —
Она покраснела,
пальцем грозя.
— Ты ли это, Зинка-слезинка?
— Слезинка?
Карп Федорыч,
так нельзя...

Год
сорок третий.
Метет пурга.

Мечется чортом.
Ступает застуженная нога
По немцам мертвым.
Проваливаясь до колен,
Дыша в ладони,
Отвалили глыбы стен.

Он вспомнил,
вспомнил...

Цеха, разбитые дотла,
До подвалов.
Тропинка узкая вела
Между завалов.
Переплелись
со сталью сталь,
Бетон с бетоном.
Свистел в стропилах ветер,
даль
Гудела стоном.
Шли поезда со всех сторон,
Страна скликала,

И нарастал рабочий звон
И гром металла.
Саратов,
 Вятка,
Камень,
 лес.
Подольск,
 вагоны.
Ветрам сухим наперерез
Шли эшелоны.
Комсомол призывал сюда
Юность народа.
Отозвалась ему,
 как всегда,
Молодость с хода,
Из Киргизии, Балахны,
Томска и Гжатска —
Со всех сторон
 родимой страны —
К земле сталинградской.
В путь
 на дальнюю сторону
Из Омска
 и Вольска
Ехал
 с песнями про войну
Народ комсомольский.
Откуда вы?
 Откуда они? —
Не разобраться.
Гордый клич нас соединил:
«Мы — сталинградцы!»

Ногами топая
 на снегу,
В инее брови,
Отдыхали они на бегу
У дымных жаровен.
Карп Федорыч
 за уцелевшей стеной
Пробовал балку,

Балки лежали
одна на другой,
Прямо вповалку...
Услышал он —
за стеной в снегу
Тишь раскололась.
Кто-то
прошептал:
— Не могу! —
И всхлипывал в голос.
— Мама! —
на разные голоса
В кружеве слезном,
Как будто заблудилась оса
В гуле морозном.
— Зина,
это все от войны,
Зина, не надо...
Карп Федорыч
вышел из-за стены.
— Здравствуй, бригада! —
Они прижались одна к другой
Спрятали лица,
Он жаровню поправил ногой,
Почувствовал: злится!
Но сдержать уж себя не мог.
— Здороваться надо!
Сейчас передали:
В короткий срок —
Из Сталинграда...
Не будем строить завод зимой,
Зачем торопиться?.. —
В зрачках
увидел укор немой,
Ледок на ресницах.
Девушки встали,
взяли кирки
И не глядели,
Ломом взмахнули в четыре руки,
Камень поддели.
Стало тягостно самому:
Обидел но-влому.

— Простите, —

И вымолвил ни к чему
И двинулся к лому...

— Дядя Карп,

что было, то сплыло.
На этом вот месте?

Да, тут.

— Четыре года,

а все покрыло.

— Замуж не вышла?

— Не берут. —

Прищурился, глянул налево:

— Этот?

— Брат,

из Иванова привезла.

Сестра вот,

знакомьтесь.

Прошлым летом

Приехала...

— Вот какие дела!

— Значит, все тут?

— Как было в школе, —

Книжки

им оставляя,

шла

В партию я,

они в комсомоле,

Вместе...

Вот какие дела!

У литейного — поворот,

Кустики брызжут веером.

Из открытых настежь ворот

Трактор

сходит

с конвейера.

Весь голубой.

Полон сил,

Вышел из сборки

И на гусеницы ступил
С маленькой горки.
Люди не выпускают пока,
Ходят, смеются,
Стальные поглаживают бока,
Помогают обуться.
Механик заводит мотор.

Верны

Силы его не растраченные.
Кованы Бадиным шатуны,
Гайками
Вали

схваченные.

Вот он пошел,
пышет в ходу
Веселым нагревом.
Марка «СТЗ» на виду
Знакома посевам.
Сходятся,

выстроились вдали,

К дороге готовы,
Новой победой нашей земли,
Силою новой.
Идут рабочие

к проходным,

Видна им работа.
В каждом тракторе им видны
Капельки пота.
На солнце

поблескивают новизной,

Из ворот выезжая.

Пахнет пашнею
и весной,
Страдой урожая.

СЕРГЕИЧ

Здравствуй,
Капля весне помощница,
летящей
влаги!
На зданьях
уже полощутся
Первомайские флаги.
Падает дождь,
вызывая.
Веселый,
весенний,
повый,
Лезет в трубочки ранние
Свернутый лист кленовый.
Ветер дорогой ближнею
Летает.
Ему недолго —
С Верхнего
прямо к Нижнему,
Через завод —
и Волга.
Сергеич пристроился у дровка.

Крыша

поката.

Проходим

он виден издалека

На гребне заката.

Снял фуражку,

глядит вокруг,

Все знает

и помнит.

Ему

стадиона зеленый круг —

Как на ладони.

В белых рубашках,

быстр бег.

Им не страшна простуда.

Кто центр,

кто бек —

Не разобрать отсюда.

Дома,

дома

плывут вокруг, —

Он узнает по порядку

Работу своих испытанных рук,

Свою особую кладку.

Над литейным —

пламя в грибок

Бьет неизменно.

В кузнечном —

ахает, словно бог,

Новая смена.

На площадь сходится молодежь:

— Добрый вечер! —

Сразу, пожалуй, не подойдешь,

Хохотом встречен.

— Здравствуйте! —

скажет ласково,

Подойдет

и поклонится.

Сразу видать сталинградского, —

Захочет —

и познакомится.

— Малышев. — Бадина.

— Очень приятно.

Идемте к садику и обратно...

Вам задаваться нечего,

Брови у переносицы!

— Откуда вы?

— Из кузнечного!

— А вы откуда?

— Формовщицы!

Вокруг огонь посвистывает,

А мы —

девчата смелые —

Глаза сияют

чистые,

А зубы —

вечно белые!

Стайкой идут

литейщицы,

Проходят сталефасонницы,

Смотри-ка!

Или мерещится:

Какие

стали

фасонницы!

Сергеич стоит на вышине

Пятиэтажной,

В переливающемся огне,

Гордый и важный.

Под ним крылатый,

во всей красе,

В закате алый,

У края стремительного шоссе

Дом небывалый.

Отсюда виден другой ему,

Он вспыхнет весельем!

Вспомнил —

сегодня в его дому

Пойдет новоселье.

Скоро перед гостями явись

С низким поклоном,

Показывай комнату
и хвались

Легким балконом.
Какая открытая высота!
Но

от подвала
Его работа,
его мечта
Вверх поднимала,
До последнего кирпича
С самого края,
До этого знамени у плеча
В честь Первомая.
Он мечтой

и трудом
дорос
До высоты
вот этой,
До близких
немигающих звезд
Над родимой планетой.
Вместе с домом,
судьбой одной
Они поднимались рядом,
Со всей
поднимающейся страной,
Строящимся
Сталинградом.

Кто-то бежит по третьему,
На лестничном повороте.
Не хочется вниз смотреть ему.
— Сергеич! —

кричат в пролете. —
Сергеич!

Ты что там делаешь?
К тебе пришли! —
Он глянул, —

фигурка белая
Машет рукой с земли.
— Кто там? —

Плотник подсел к нему,

Дух перевел:

— Иди.

— Гости, что ли, уж не пойму.

Целый час впереди!

— Сказал:

«Передайте: Илья зовет,

Приезжий издалека...»

— Илья?

Какой?

Неужели тот? —

Стал у дровка.

— Сказал,

что, мол, из одних дверей.

Не расспрашивал я.

Так и сказал:

«Позови скорей,

Кличет Илья».

Дом оглядывал целый час,

Тебя спросил не вдруг.

Все узнавал,

есть ли у нас

Нехватка рук.

— Эй! —

Сергеич встал на карниз,

В ладонь трубя. —

— Здравствуй, друг! —

отозвался низ.

— С приездом тебя! —

Сверху

Илья показался ему

Сплюснутым весь.

Сергеич почувствовал,

почему

Снова он здесь.

Снизу

Илье он казался сам

Видением чистым,

Стоит

над миром,

как великан,

В солнце лучистом.

НОВОЕ УТРО

— Няня, сказку!

— Слушайте, помните.

Только чтобы

тихонько в комнате!

Сказку надо любить,

спасибо ей.

Сказки все на это надеются.

Потому что

все сказки красивые

Скоро сказываются,

долго делаются.

Слушайте сказку

про мальчика Димку,

Про лошадку его Пегаску,

Про его шинель-невредимку

И про каску его — безопаску.

В каменном городе

дворы каменные,

В тротуары обряженные.

Смотрят в рассветы ранние

Окна многоэтажные.

Дождик сходит

прямо на улицы

С крыши

трубами водосточными.

Ласточкам,
чтоб в проводах не запутаться,
Надо быть
очень уж точными.
Утром дворник
из шланга светлого
Пустит дождь и нагонит зайчиков,
И только уж после этого
Мамы
пустят на улицу мальчиков...

Августа двадцать четвертое,
вот оно —
Жар пожара
неогляден.
В танке,
на заводе сработанном,
Комсомолец
Димитрий Бадин.
Из ворот проходных —
к Дзержинскому,
Слева
виден райком комсомола,
Справа —
первая,
близкая-близкая,
В огне бушующем — школа.
Воспаленно блестит глазами
Командир.
Он из цеха к бою.
У спецовки кармашек
занят
Измерительною скобою.
Перед цепью рабочих четкой —
Вал нашествия
в сотне метров.
Над окопами за Мечёткой
Ходит взводный —
товарищ Ветров.
Вот оно,
двадцать пятое августа
Сорок второго года.

Гроном забита нагусто
Степь вокруг завода.
Нахлынула ночь кромешная,
Пожарами полыхая.
Надвинулась речь нездешняя,
Мышиномундирная стая.
К нашей Мечётке

овражками,
Суглинком, знакомым с детства,
С чернобылом, с ромашками
Их огненное соседство.
Мы здесь котлованы вырыли,
Кострами землю оттаивая,
Строили,

проектировали,
Свободной земли хозяева.
Мы переносили трудности,
Мерзли, недоедали
Во имя счастливой юности
Коммунистической дали.
Все наши мечтанья выражены
В домах,
в корпусах завода,
Мы в стенах наш лозунг
выложили:

«Пятилетку —
в четыре года».

И встал он,
наш Сталинградский,
Поднялся, красавец редкий,
Свет гордости нашей братской —
Первенец пятилетки.
Тракторы наши двинулись
На наши поля колхозные.
Цвела наша жизнь.

Раскинулись
Нивы полноколосные.
Нет! Слышишь ты,
свора жадная!

Нет,
счастье не отдадим мы!
Трудом своим честным, правдою,

Мы совестью
 непобедимы!
Святая наша традиция
Лениным нам оставлена,
Крещена в огне Царицына,
Раскрыта в ученье Сталина,
Содружество наше прочное —
Полки трудового народа,
Сила наша рабочая —
В бой от ворот завода!
Третий день полыхает боем,
Ради юности,
 счастья ради.
Светлый мир заслонил собою
Комсомолец Димитрий Бадин.
Вспыхнул танк,
 полыхнуло в уши.
— Мама, встану я,
 слышишь, мама...

Антонина Петровна, слушай!
Дребезжит оконная рама.
— Мама! Мама пришла с работы! —
Поднимается гул неровный.
Антонина Петровна,
 что ты!
С добрым утром тебя, Петровна!
Погляди-ка,
 проснулись дети,
Оглянись
 и увидишь — снова
Мы стоим с тобой на рассвете
Перед маем сорек восьмого.
Светлым солнцем по раме рея,
Зайчик прыгнул на белую стену
— Одевайтесь, дети, скорее!
Мама кончили третью смену

Поднимают, несут работницы
Утро нового поколения,
И в глазенках детей проносится
Мира молодость предвесенняя.

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Редактор Л. Б е л о в
Технический редактор Г. К а у н и н а
Корректор А. Н о т к и н а

* * *

Сдано в набор 13/VI-49 г. Подписано к
печати 19/VII-49 г. А 07327. Формат бу-
маги 84X108¹/₃₂. Печ. л. 4 Уч. изд л. 3,02.
Тираж 75 000. Цена 1 руб. Заказ № 1656.

* * *

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Мини-
стров СССР, Москва, Краснопролетац-
ская, 16.

12

ГОСЛИТИЗДАТ
1949